

Александр Грин

Находка

Александр Степанович Грин

Находка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055827

Аннотация

«Тюльпанов присел к столу, жадно ощупывая глазами большой деревянный ящик, полный сырой, грязно-белой земли.

Управляющий тоже сел. Лицо его сияло почтительно и воодушевленно, как у даровитого повара, толкующего барину о прелестях пикантного соуса.

Прошла секунда молчания. Тюльпанов нервно мям пальцами жирные, мягкие, как мазь, комки глины. Он сомневался, брови его хмурились от внутреннего напряжения; факт еще не овладел им настолько, чтобы он мог громко и бурно выразить свою радость. Между ящиком с глиной и богатством лежала пропасть...»

Александр Грин

Находка

I

Тюльпанов присел к столу, жадно ощупывая глазами большой деревянный ящик, полный сырой, грязно-белой земли.

Управляющий тоже сел. Лицо его сияло почтительно и воодушевленно, как у даровитого повара, толкующего барину о прелестях пикантного соуса.

Прошла секунда молчания. Тюльпанов нервно мял пальцами жирные, мягкие, как мазь, комки глины. Он сомневался, брови его хмурились от внутреннего напряжения; факт еще не овладел им настолько, чтобы он мог громко и бурно выразить свою радость. Между ящиком с глиной и богатством лежала пропасть.

– Так вы думаете? – боязливо спросил Тюльпанов, и полное, привычно насмешливое лицо его обратилось в вопросительный знак. – Смешно ведь, а? Земля какая-то... А впрочем... Да-а!

– Несомненно, – авторитетно произнес управляющий, – воочию перед вами убедительнейший аргумент.

– Фаянс! – задумчиво произнес Тюльпанов. – И много?

– Гибель!

– Так что же! – с маленьким нетерпением заговорил Тюльпанов. – Это ведь... нужно подумать!

– А то как же?! – радостно закричал управляющий, и его крохотный пунцовый рот брызнул слюной. – Конечно, подумать!.. Хотя думать вам что же особенного? Деньги нужны.

– Деньги! – сомнительно протянул Тюльпанов. – Вот то и скверно, что для денег всегда деньги нужны.

Оживление его погасло.

Почти враждебно, но еще любопытными глазами смотрел он на неприглядную глину, вокруг которой суетились туманные представления о фабриках, машинах и снежно-белой посуде. Все это казалось хлопотливым, громоздким и выдуманым. Управляющий все время вертелся как на иголках. Последние слова Тюльпанова прищипорили его хлопотливую, увлекающуюся натуру.

– Позвольте, что же вы хотите еще? – волнуясь, спросил он. – Я знаю ведь, в общем, ваше теперешнее состояние; ну – денег нет, ну – заложено. А третью закладную нельзя? А долгосрочная аренда – фунт изюма? А занять – свет клином сошелся? Да не будьте вы этой глиной, милостивый государь! Вам, как говорится в известных кругах общества, пофартило! Пользуйтесь!

Тюльпанов достал из перламутрового ящика гаванскую сигару и стал ее закуривать. Пальцы его слегка вздрагивали.

– С одной стороны, – нерешительно начал он, – я разделяю ваш энтузиазм и согласен, что... Но масса вопросов:

деньги, кредит, рабочие руки, машины... а?

– Акции, – коротко бросил управляющий. – Акции!

Тюльпанов встал.

– Я поеду.

Управляющий взял шляпу.

– Но, – он поднялся на цыпочки, помахивая указательным пальцем, – у вас сотни тысяч, прошу помнить. – И в тот же момент лицо его просияло благодушным деловым выражением. Он церемонно поклонился и вышел.

Прикинув мысленно необходимую сумму, Тюльпанов рассеянно усмехнулся и тотчас стал думать о других, более неотложных делах. Дочь Лидия требовала из Петербурга денег. Ее изящные письма курсистки хорошего тона говорили об этом между строк, вскользь, сдержанно и настойчиво. Платить рабочим, платить за стекла для парников, выбитых прошлым годом градом. И масса мелких расходов – ремонт белья, конюшни, выписка грушевых дичков, семян, весенний костюм младшей дочери – все это свертывалось в один плотный пакет векселей и счетов.

II

На веранде, в тени весенней листвы, младшая дочь Тюльпанова, Зоя, рассказывала штабс-капитану:

– У меня бывают дни скверного, прескверного настроения... Знаете – душа как будто закутана паутиной, с черным

мохнатым пауком внутри, и боишься двигаться, боишься обратиться на себя внимание этого черного паука... Делаешься слабенькой-слабенькой!

– Хо-хо! – сказал, делая смеющееся лицо, штабс-капитан. – Это, как говорится у нас, плюм-похондрия!

– Плюм! – мило удивляясь, сказала Зоя. – Почему же плюм?

– Случайность. Был у нас, в шестой роте Плюм, поручик Плюм – он того... застрелился. Ну, так он страшно скучал перед смертью, а застрелился от несчастной любви. Не выдержал.

– Не выдержал, – тихо повторила Зоя, роняя руки вдоль тела и устремляя взгляд в предвечную глубину сада. – Не выдержал! Это была молодая, чистая, тоскующая душа... его не поняли.

– Да вы думаете что? – воскликнул штабс-капитан. – Любви не выдержал? Ничего такого, уверяю вас, не было. Просто поддразнивали его, в пьяном виде угораздило его как-то сказать: «А я застрелюсь». Ну вот и пошло... Скучно, знаете. Кто ни увидит: «Плюм, а стреляться?» Он потом привык даже так, что обижаться перестал. Но все-таки застрелился.

Зоя промолчала; разговор принимал нежелательное для нее направление. Офицер нравился ей, хотелось полунамеков, раздражающей игры, туманных недосказанностей, лишенных всякого смысла и полных столь приятного для женщин нервного напряжения.

– Ах, тоска, тоска! – вздохнула она, облакачиваясь на перила веранды перед самым лицом Зуева. – И нервы шалят... Ночи такие душные.

«Замуж хочется, – машинально подумал Зуев, рассматривая крепкую фигуру девушки. – Да она совсем ничего... Разорены... Свяжись... жалованье...» – мелькнуло у него в голове, мешаясь с мыслями игривого свойства, далекими от меркантильных расчетов.

«А ну, – решил он, приготовляясь заговорить. – Не стоит!»

– Михаил Ильич, – сказала девушка, – хотели бы вы быть рыцарем?

– Рыцарем? – Зуев перекосил брови и сморщился. – Конечно... хотя этот род вооружения устарел. А что?

– Я люблю все мужественное, храброе, выносливое... В вашем лице есть что-то индийское... И мне кажется, что вы совсем иной, чем... кажетесь.

– Хо-хо! – сказал Зуев. – Да ничего такого особенного. Впрочем, в душе каждого человека... Я гимназистом стихи писал, – неожиданно закончил он и густо побагровел.

– Ну да, – сосредоточенно произнесла Зоя, внимательно рассматривая переносицу штабс-капитана. – И вы прочтете мне эти стихи, да?

– Н-нет! – с усилием крякнул Зуев, смутно чувствуя приближающуюся опасность. – Забыл, представьте... да и что там – чепуха, фигли-мигли...

– Ну вот... какой вы, – сказала, помолчав, девушка. – Кажется, могли бы... для меня... – прибавила она с легким подчеркиванием. – Нет? Ну, не надо. Я вам этого не прощу.

Зуев брякнул шашкой и рассмеялся, блестя зубами.

– Повесите? – подмигивая, спросил он.

– Хуже...

– Хуже?

– Да. Вы пойдете со мной гулять. Пойдемте к роще. Там папа... Да вы ведь еще не знаете...

– Ничего не знаю, – покорно ответил Зуев.

– У нас нашли эту – ну, белая глина, фаянс... и, кажется, хотят строить фабрику или что-то в этом роде. Одним словом, папа и управляющий теперь только об этом и разговаривают... Ха-ха! Как будто это так просто, Михаил Ильич. Они сейчас заняты там своими исследованиями.

– П-пойдемте! – крикнул Зуев, приподнимаясь от удивления и нетерпения. – Фаянс? Да что вы? Х-ха-рашо! Очень х-харашо!

– Давайте руку, – повернулась Зоя, увлекая штабс-капитана в сад. – Впрочем, все это скучно, и папа только опаздывает к обеду. Ходит по столовой большими шагами и бурчит про себя.

– А знаете, – сказал штабс-капитан, – ведь может интереснейшая вещь получиться. Хо-хо!

Они миновали сеть аллей, изгородь и шли узкой, вихляющей тропинкой среди заброшенных парников, напоми-

нающих крыши неведомых подземных лагуг. Солнце садилось; сияющие весенние сумерки погружали холмистую зелень полей в чуткую, вздыхающую дремоту.

– Воин, – сказала Зоя, прижимаясь к штабс-капитану, так что он вдруг ощутил двигающуюся тяжесть ее цветущего, большого тела, – вы слышите беззвучные голоса полей?

– Я слышу один голос – ваш, – подумав, сказал Зуев, – это голос полей, но не беззвучный, а, напротив, весьма звонкий.

– Так? – спросила она, нагибаясь и заглядывая снизу в глаза Зуеву. – Впрочем, с вашей стороны это простая любезность. Вам незачем меня слушать.

– Как знать?.. – таинственно ответил штабс-капитан. – Вот я помню одни стихи насчет человеческой души... В том смысле, что... Как это?.. – Откашлявшись, он сделал свободной рукой жест, похожий на движение поварского ножа, разрезающего котлету, и быстро проговорил:

– «Тара-та-та-та-та, ра-ра-те-та-тэй... Ни моря нет глубже, ни бездны темней».

– Ха-ха-ха! – залилась Зоя, и смех ее немного сконфузил Зуева. – А «тара-та» – это что значит?

– А забыл, – скромно ответил Зуев. – Так легче вспомнить.

Рука женщины прижималась к нему, круглая и горячая под муслиновым рукавом; он было почувствовал некоторое сопротивление этому дурманящему теплу, но вспомнил

фабрику, и целые горы новенькой посуды сверкнули перед глазами. «На всякий случай, – мысленно сказал он, прижимая в свою очередь локоть девушки. – Где наше не пропадало!»

Впереди, у роши, двигались две фигуры, наклоняясь и ковыряя в земле.

– Вот папа! – крикнула Зоя. – А мы на вашу глину смотреть пришли.

Тюльпанов, с засученными рукавами летнего пиджака, сказал Зуеву, протягивая запачканную землей руку:

– Не смотрите, не смотрите! Ничего нет. Пока что – одни проблемы.

– Хо-хо! – сказал Зуев. – Вот она где, Колхида-то! Н-да, удивите вы всех, право! – Зуев говорил без насмешки, и это ободрило Тюльпанова.

– Все Андрей Кузьмич, – сказал он, обчищая грязь с рук. – Он нашел эту глину, он и хороводится.

– Папа, – крикнула Зоя, – если разбогатеешь, непременно купи мне дачу... где-нибудь на Капри! Купишь?

– А что ты думаешь? – серьезно сказал Тюльпанов. – И куплю. Пусть только Повезет! Я много чего наметил... Вообще развернусь вовсю... Закатим дом в Петербурге, Зойка, а здесь устроим деревенский Эдем – парк, газоны, цветники... плодовый сад преогромный... скаковую конюшню... а? Кандидатуру свою в Государственную думу выставлю... а? Здорово, Михаил Ильич?! Тюльпановский промышлен-

ный... округ, а?!

Ш

На карточке красивым рондо было отпечатано по-русски и по-английски: Вильям Герберт Брайтон. Тюльпанов вышел в гостиную. Он был несколько озадачен, заинтересован и встревожен. С мягкого плюшевого кресла поднялся человек лет сорока пяти, одетый элегантно и скромно, бритый, с короткими черными волосами и матовой желтизной прямого зеленого лица, глядевшего на Тюльпанова чуть-чуть сонно, чуть-чуть строго. Глаза у него были выпуклые, круглые и блестящие.

– Брайтон, – сказал англичанин. – Я вас нужно по одному делу. – Русские слова, окончание которых он почти сглазывал, звучали у него заученно и деревянно. Лицо не участвовало в разговоре, оно с каменной, холодной вежливостью рассматривало Тюльпанова.

– Прошу садиться, – сказал Тюльпанов.

Брайтон неторопливо опустился на стул.

– Я извиняюсь, – произнес он, – но дело так важен, он для меня и для вам. Ви нашли глин.

– А! – вскричал Тюльпанов, мгновенно сообразив, что посещение англичанина может так или иначе отразиться на его интересах. – Как вы узнали? Это верно, но что, знаете! Какая глина, известно аллаху... Я, впрочем, надеюсь, да...

Брайтон помолчал. Быстрые искры соображения мелькнули в его быстрых глазах; он, видимо, старался уяснить себе отношение Тюльпанова к грязно-белой земле.

– Пять десятин, – так же сонно и деревянно произнес он, – от лес до маленький огород.

Тюльпанов улыбнулся, подумал, но слова англичанина остались для него непонятны. Он поднял брови, недоумевающе посмотрел на Брайтона и тихо спросил:

– Что вы говорите? Продать?

Что-то похожее на улыбку скользнуло в тонко очерченных, твердых губах Брайтона.

– Пять десятин, пятьдесят тысяч.

– Как? – делая ударение на каждом, прилипающем к языку слове, закричал Тюльпанов. – Вы хотите купить? – Сердце его вдруг забилося часто и ожесточенно, точно он наступил на змею и перепугался. Деловое лицо Брайтона и цифра, произнесенная вялым гортанным голосом, бросили ему в глаза ценность находки. Он внезапно всем существом почувствовал себя у денег, лежащих в земле, между лесом и огородом. Взволнованный, он уставился на Брайтона в упор. Англичанин переменял позу, снял руку с колена и переложил ее на резьбу кресла.

– Позвольте же, однако, – заговорил Тюльпанов, – но вы... но я... разве вам сказал кто-нибудь, что я намерен?.. Это странно, я вообще никому... да и как же так... почему?

Купцы и арендаторы из соседнего города, с которыми он

вел иногда дела, встали перед ним, по контрасту, как живые, с массой уловок и подходов, с неизбежным чаепитием, вопросами о погоде и т. д. Брайтон молчал. Тюльпанов развел руками.

– Вот, – сказал он, – что, собственно... А насчет продажи... Да и как вы предлагаете мне пятьдесят тысяч, когда вы и земли-то еще не видели? Хотите, я покажу? Вы, вероятно, интересуетесь, я...

– Нет, – сказал Брайтон, – это не надо. Я видел. Я смотрел, у меня есть пробы. Пятьдесят тысяч.

– Когда же вы успели? – спросил Тюльпанов, начиная сердиться. То, что этот человек без спроса успел выведать все, казалось ему невежливым.

– Семьдесят пять, – сказал Брайтон и добавил: – Тысяч.

– Позвольте! – заволновался Тюльпанов. Долги, закладные, планы на лето, дом в Петербурге – вихрем взмыли перед его глазами и ушли, скрывшись в темных зрачках Брайтона. – Почему же это?.. Почему именно семьдесят пять? Почему не больше... не меньше? Или мы ведем деловой разговор, или шутим... Я не привык так. Но как, например?.. Частями, сейчас, после?

– Сто тысяч, – помолчав, выговорил Брайтон. – Задаток теперь. Половина задаток.

– Да вы шутите или всерьез? – крикнул, побледнев, Тюльпанов, и вдруг лицо его расплылось в блаженной улыбке. – Вы что же хотите, фабрику? Нет, что вы! Разве можно за та-

кие пустяки? – Он вдруг пришел в азарт, вырос в своих собственных глазах и был совершенно оглушен цифрами. За последние годы он не держал в руках более десяти тысяч сразу. – Я сам выстрою фабрику! – сказал он гордо и испугался. Лицо его вытянулось, но непреодолимая потребность дать выход возбуждению тотчас же повысила павший диапазон. – А что вы думаете, – волнуясь продолжал он, – что мы, русские, не умеем вести дел? Ого!

– Сто двадцать пять тысяч, – медленно произнес Брайтон. – Я очень серьезно. Задаток теперь. Семьдесят пять – задаток. Я извиняюсь, – он подумал немного и неторопливо добавил: – Но это совсем ясно, как... – Брайтон прищурился, склонив набок голову, и закончил: – Как стекла. Дело просто: вы продаете земля, я даю деньги.

– Фу, – сказал Тюльпанов, вытирая платком вспотевший лоб, – а? Я... подумаю... Да, нет... Ну, хорошо, извольте. Сто двадцать пять? Хорошо! Как вы думаете, я не проде... Впрочем, что я – земля чудная, конечно! Так задаток? – Он был совершенно счастлив и боялся только одного: чтобы этот диковинный, точно с другой планеты человек не раздумал. – Прошу в кабинет, – сказал он, – пожалуйста вот сюда, дверь направо.

IV

Лакеи суетились вокруг столов, тщательно избегая заде-

вать локтями широко развалившуюся на стуле фигуру Кержень-Мановского, отставного исправника. За тем же столом сидели: Миловидов, городской голова, Тюльпанов и Ознобишин, редактор местной газеты. Было около одиннадцати часов вечера. Пьяный, развалистый шум, удары кулаков в стол, залитая вином скатерть и криво сидящие галстуки говорили о той степени благодущия, когда пирующим трудно установить не только страны света, но даже левую и правую стороны. В то время как Миловидов с грустью и умилением посвящал исправника в тайны городского хозяйства, Тюльпанов говорил Ознобишину:

– Так и напишите... Вы не думайте, что я ищу популярности... черт с ней... а просто... Гласности больше нужно, я стою за печать... периодическую... Но не возгордись! Не ищи... понимаешь... в моих словах этакого к себе почтения. Ибо – нужна ли твоя газета? Вот в чем вопрос! Ты об этом подумай... И реши! Но в общем, разумеется, я разрешаю тебе писать о Тюльпанове. На-ро-до-на-селе-ние Тюльпанова добрым словом помянет, так как откроется богатейший... промыш-шленнейший завод. Понял? Ну и молчи!..

– Не могу в-местить, – сказал Ознобишин, мигая помутившимися глазами.

– П-потому, что есть я птица райская Алконост... печали огромной птица и г-орести! А печалюсь я... з-за всю губернию!.. Т-торжествующие твои слова – мне обида!..

– Ха-ха-ха-ха-ха! – захлебнулся исправник, и шея его побагровела, как у индюка. – Птица ты... алкоголь... да... Но чтобы Алконост... стае? Ни в коем случае!

– Полицейский! – внушительно сказал Тюльпанов, подымая кверху указательный палец.

– М-молчи! Ты пьян, полицейский!

– Гражданин! – промолвил Ознобишин, указывая на Миловидова. – Он гр-гражданин! А прочее все... водевиль!

– В-водевиль? – яростно прошипел исправник. – А ты кто – драма ты, что ли, пискулька! Я... с-случа...

– С переодеванием! – захохотал Тюльпанов. – В-водевиль с переодеванием. И нишкни!

– Кто здесь возвысил голос? – закричал исправник. Лиловые жилки заплясали на сто лбу.

– А? С-сашка Тюльпанов, нищий – нищий ведь ты... и немец тебя, куклу, облагодетельствовал!

– Бритт, – хладнокровно вставил Миловидов, свертывая из меню трубку и рассматривая в нее рассерженного исправника.

– Бритт! – негодуяюще воскликнул Кержень-Мановский. – Вот ты и брит этим бриттом, потому что ты просто-напросто... тьфу... овца! Кусок тела российского продал англичанке... нищий! У-у! Короста на благочестивом теле отчизны!..

– Кержень, – крикнул Миловидов, – цыц! Ты что? У себя в участке, что ли? Объясняйся, но... м-мягко!

– Оставьте его, – коротко и грустно проговорил Тюльпанов. – Пусть человек говорит... г-господа, э... дайте слово отставному исправнику.

Тюльпанов пожал плечами, выпил большую рюмку шведского пунша, закусил ананасом, вывалянным в пепле, и сказал:

– Я деньги получил. Это важно... И з-заметьте – много... К-ко-нечно, меня уламывали, п-потому что я н-не мальчик, но... и счастлив, – неожиданно воскликнул он.

Раз начав говорить, он был не в силах уже остановиться и много, пространно рассказывал о себе, своем детстве, какой-то лошади с подпалинами, невесте, дочери и тюльпановском промышленном округе. Вокруг, в сизом тумане, плавали блестящие выкаченные глаза, манишки, красные пятна рук, и все труднее становилось сидеть прямо, не лить на скатерть вино и говорить то, что нужно.

Миловидов сказал:

– Хорошо нам здесь, господа!.. Построим кущи!..

V

Еще хмельной, с тяжестью в голове, Тюльпанов прошел в сад. Он только что возвратился из города. Лицо его было серо, смято и в молодой зелени сада казалось лицом больного, выпущенного на прогулку. Он повертелся около черных клумб, соображая, сколько пройдет времени, пока утренний

воздух уничтожит в его наружности следы хмельной ночи, и вспомнил, что Зоя, узнав о приезде отца, непременно пошлет горничную на розыски... Он прошел через сад медленным, беззаботным шагом, насвистывая мазурку, миновал парники и через две-три минуты был на том месте, которое день назад еще принадлежало ему.

«Продано! – подумал Тюльпанов. – Как скоро все делается на свете! В прошлом году деревенские мальчишки и Вовка считали этот когда-то отведенный под огород пустырек роскошным местом для игры в бабки».

Заложив руки за спину и втягивая прокуренной за ночь грудью парной воздух полей, Тюльпанов впал в элегическое настроение.

«Хорошо бы, – мечтал Тюльпанов, – хорошо бы, собственно говоря, вышло, если бы тут поблизости еще глину открыть! Гм! Воображаю, какую рожу скорчит англичанин. Он ведь и эту захочет купить, во избежание конкуренции. Тогда – миллион. Миллион – и никаких разговоров!»

И вдруг представилось ему, что все – усадьба, пашни, лес, парники, сад – расположено на тоненьком, в два-три фута слое земли, скрывающем под собой сотни десятин белой глины. Что-то похожее на тревожное любопытство и мальчишеское лукавство дернуло Тюльпанова. Заинтересованный, он осмотрелся вокруг, соображая, в каком бы месте повернуть дерн, и, вынув небольшой перочинный нож, пошел вдоль роши, удаляясь от проданного участка.

За рощей была узкая полоса межи, отделявшая яровое от леса. Подойдя к ней, Тюльпанов открыл ножичек, присел и вырезал кусок дерна, запачкав руки сырой и теплой землей; шевелились какие-то крохотные кучки, белели точки срезанных травяных корней.

Тюльпанов махнул рукой и хотел встать, но, вспомнив, что и прежняя глина лежала глубже, принялся быстро копать в рыхлом четырехугольнике. Сняв два или три вершка почвы, он бросил нож и беззвучно расхохотался. Перед ним была глина, та самая, настоящая, которую купил англичанин и которая, проходя горизонтальным пластом, попала под нож Тюльпанова. Это было так неожиданно, забавно и в то же время серьезно, что Тюльпанов остался сидеть в прежнем неловком положении, полный вспыхнувших мыслей и каких-то особенно радужных, нетерпеливых надежд.

– Что же это такое? – полусердито, полусмеясь сказал он. – А? Каково? Как это вам нравится? Что за глиняное имение? Мухи дохнут, честное слово! Брайтон-то, Брайтон-то что скажет? А?

Он еще некоторое время восклицал и ахал, вытирая руки о носовой платок, потом понемногу, поправляя одна другую, мысли пришли в порядок, а на лицо Тюльпанова легла тень, и выросли перед его глазами не одна, а две фабрики, разделенные одной десятиной, вдвойне грохочущие, распространяя копоть и смрад, фабрики конкурентов, отнимающие у него пядь за пядью маленькое старинное имение, где так

хорошо естся, дышится и живет, когда есть деньги.

И увидел он еще рабочий поселок, чуждую зеленой земле жизнь, услышал назойливые, унылые гудки, топот и шум толпы там, где молодые дубки ласково приглашают уснуть, в то время как на заманчиво расстеленной на траве скатерти бурлит самовар и румянится домашний пирог.

– Что же делать? – сказал Тюльпанов. – Положение-то мое забавное. Скрыть разве, а?! Любопытная будет вещь и даже романтично: тайна Тюльпановки. А хорошо эдак, перед смертью сказать там... внукам, что ли: идите за рощу и там, отмерив столько-то шагов... В этом роде. А?

Было тихо вокруг; насколько хватал глаз, холмились поля, одетые пышной озимью. Тишина и отсутствие людей приободрили Тюльпанова. Он доверчиво улыбнулся земле, небу и ямке, вырытой под ногами.

Поспешно путаясь вздрагивающими от испуга руками, собрал он рассыпанную на траве землю, сгреб ее в ямку, втиснул дерн на прежнее место и тщательно утоптал. Потом, виновато улыбаясь и щурясь от солнца, медленными, неуверенными шагами пошел в сторону, и казалось ему, что никто и никогда в мире не узнает новой, мучительной для него тайны Тюльпановки, разве только в том, и непременно в том случае, когда новая, настоящая нужда развяжет ему язык. А подходя к дому, был совершенно уверен, что выше его сил молчать далее двух недель.